

Найди меня

Глава 1

Я потерял аппетит.

По-моему, такое со мной впервые.

Сижу, разглядываю знатный кусок торта и почему-то не могу его съесть. Даже подташнивает.

Продолжаю тыкать в торт вилкой, каждый раз чуть сильнее, кусок почти развалился, а глазурь изрубцована. Изуродована. Я не хотел калечить несчастный кусок торта (портить еду — совсем уж уголовщина), однако в легком сопротивлении ванильного бисквита, как и в моем повторяющемся действии, есть что-то успокаивающее.

Я провожу рукой по лицу.

Деньки выдались кошмарные. Хуже, чем раньше. Потери большие. Ночи поганые. Словно разверзшийся ад открывает все новые перспективы.

Напряжение сковывает плечи и порождает тупую пульсирующую боль, которая расходится по всей спине. Пытаюсь эту боль продышать, потянуть мышцы и убрать зажим... Бесполезно. Не знаю, сколько я здесь просидел, сгорбившись над недоеденным куском торта. Наверное, не один час.

Оглядываю полупустую столовую. Это комната? Или палатка?

Точно, палатка.

Потом смотрю на длинные побеленные деревянные балки, поддерживающие потолок. Или все-таки пристройка? Снаружи все затянуто кремовой парусиной, внутри же это отдельно стоящее здание с крепкими стенами. Зачем заморачиваться с навесами? Надеюсь, у них есть какой-то функционал, иначе не вижу смысла. Убранство скромное. Столы из необработанных досок, которые отполировало время. Простенькие стулья, тоже из дерева. Очень примитивные. Хотя миленькие. Здесь все довольно миленькое. Явно поновее, почище и посветлее, чем в «Омеге пойнт». Модный такой лагерь.

Прибежище.

Я снова втыкаю в торт вилку. Уже поздно — далеко за полночь, — и причины находиться здесь с каждой минутой теряют свою убедительность. Почти все отсюда сваливают: чиркают ножками стулья, шаркают ноги, открываются и закрываются двери. Уорнер с Джульеттой (или Эллой? Никак не привыкну...) где-то спрятались. Она, наверное, пытается в него впихнуть его собственный, по случаю дня рождения, торт. Хотя, быть может, он ест добровольно. Ну и ладно. Когда я начинаю себя чрезмерно жалеть, то ненавижу его капельку сильнее, чем обычно.

Зажмуриваюсь, крепко-крепко. Как чертовски я устал!

Знаю, надо пойти и поспать, да не хочу менять теплое мерцание этой комнаты на холодное одиночество своей палатки. Здесь светло. Сразу ясно, что Нурии — дочери Касла и главе сопротивления — очень нравится свет. Ее конек. Ее сила. И свет тут везде. По всему потолку развешаны гирлянды. Стены и дверные проемы обрамляют фонари. У одной из стен расположен массивный камин, в котором теплится пламя. Очень уютно.

А еще пахнет выпечкой.

Годами я только и делал, что жаловался: мол, приходится делить с кем-то свое личное пространство. Теперь, когда оно у меня есть — крохотный отдельно стоящий домик, — мне это пространство не нужно. Я тоскую по тем общественным зонам, что были и в «Омеге пойнт», и в Секторе 45. Мне нравилось, открывая дверь, видеть друзей. Нравилось слышать их идиотские, бесцеремонные голоса, когда я пытался заснуть.

Итак.

Я все еще здесь.

И не готов быть один.

Наоборот, я просидел всю ночь, наблюдая, как люди делятся по парочкам и уходят. Лили и Иан. Брендан и Уинстон. Соня и Сара. Нурия и ее жена Сэм. Плетущийся следом Касл.

Все с улыбками.

Похоже, у них есть надежда. Они смогли выдохнуть. Смогли порадоваться нашему спасению, редким прекрасным мгновениям в столь кровопролитные времена. Мне же, наоборот, хочется завывать.

Я роняю вилку, вдавливаю ладони в глаза. Ощущение безысходности растет уже несколько часов и, похоже, наконец-то достигает своего апогея. Я это чувствую, чувствую, как руки безысходности сжимаются вокруг моего горла.

Злость берет.

Почему страшно только мне? Почему только у меня в животе нервы сплелись в ноющий клубок? Почему только у меня возникает один и тот же вопрос, снова и снова, и снова?

Где, черт возьми, Адам и Джеймс?

Когда мы наконец добрались до Прибежища, нас встретили фанфарами, люди радовались, они были во-

одушевлены. Все вели себя так, словно воссоединилась большая, дружная семья, словно появилась надежда на будущее, словно у нас все будет хорошо...

Похоже, никого не заботило, что Адам и Джеймс пропали.

Только я пересчитал всех наших. Только я осматривал комнату, встречался глазами с незнакомыми мне людьми, вглядывался во все углы и задавал вопросы. Очевидно, только мне не казалось нормальным потерять двух товарищей.

— Он не захотел с нами, чувак. Сам знаешь.

Вот.

Вот какое бредовое объяснение еще раньше пытался впарить мне Иан.

— Кент сказал, что больше не станет переезжать. Прямо заявил, чтобы мы на него не рассчитывали, и ты, кстати, в это время сидел рядом. — Иан, прищурившись, внимательно на меня посмотрел. — Не надо обманываться. Адам захотел остаться в стороне, остаться с Джеймсом, поторговаться за неприкосновенность. Ты сам все слышал. Так что не зацикливайся.

Я продолжал гнуть свое — здесь какая-то ошибка. Не уставал повторять: *здесь что-то не так*, а Касл не уставал терпеливо втолковывать мне — словно душевнобольному, — что за Джеймсом присматривает Адам, что это не мое дело, что не важно, как сильно я люблю этого мальчика, не мне выбирать его судьбу.

Видимо, все позабыли, что Адам выдвинул идиотскую идею о неприкосновенности еще до того, как мы узнали, что Андерсон не умер. До того, как Делалье рассказал, что у Андерсона имелись планы на Адама с Джеймсом. Это было до того как Андерсон ожил, убил Делалье, а мы все попали в психушку.

Здесь что-то не так.

Ни на секунду не поверю, что Адам захотел бы остаться в Секторе 45 — и поставить жизнь Джеймса под удар, — если бы знал, что туда прибудет Андерсон. Адам, конечно, тот еще болван, однако всю свою жизнь пытался защитить этого десятилетнего мальчонку от их отца. Он скорее умер бы, чем позволил Джеймсу находиться рядом с Андерсоном — особенно когда услышал, что у последнего на их счет весьма мутные планы. Адам никогда бы так не поступил. Не стал бы рисковать. Я знаю. Всем сердцем чувствую.

Никто не хотел меня слушать.

— Эй, чувак, — тихо сказал Уинстон. — Ты за Джеймса не в ответе. Что бы ни произошло, это не твоя вина. А нам надо двигаться дальше.

Складывалось ощущение, что я говорю на другом языке. Кричу в стену. По общему мнению, я слишком остро реагирую на ситуацию. Излишне эмоционально.

В конце концов Касл перестал отвечать на мои вопросы. Зато принялся постоянно вздыхать. Как вздыхал, когда в мои двенадцать лет я прятал в спальне бродячих собак. Вчера вечером, перед тем как пойти спать, он ода-рил меня красноречивым взглядом; ясно было, что ему меня жаль.

Даже Брендан, добрый, сердобольный Брендан, покачивая головой, сказал:

— Адам сделал свой выбор. Нам тяжело их терять, Кенджи, но надо отпустить ситуацию.

К черту!

Поднимаю взгляд, пытаюсь сосредоточиться на остатках гигантского именинного торта Уорнера. Он высится на столе в центре комнаты, никто за ним не смотрит, и меня внезапно пронзает желание ударить по нему кулаком. Пальцы снова крепко сжимают вилку —

непроизвольный порыв, анализировать который я не собираюсь.

Мы празднуем день рождения Уорнера, и я ничуть не злюсь по этому поводу. Честно, ни капельки. Все здорово, я все понимаю, у парня никогда не было дня рождения. Просто сейчас я не в настроении праздновать. Сейчас я бы хотел долбануть по этому гадскому гигантскому пирожному и швырнуть его об стену. Снова поднять его и швырнуть об стену, а потом...

По позвоночнику вверх бежит волнующее тепло, и я замираю, хотя вижу, правда, словно издалека, как кто-то накрывает ладонью мой кулак и начинает тянуть, пытаюсь высвободить, вилку. А потом раздается смех.

Мне становится еще хуже.

— Все в порядке? — интересуется она. — Ты в нее вцепился как в оружие.

Судя по голосу, она улыбается, хотя сомневаюсь. Я все еще тарашусь в одну точку и практически ничего не вижу перед собой. Назира умудрилась высвободить из моей руки вилку, и теперь я просто сижу; пальцы раскрытой ладони застыли, точно хотят куда-то дотянуться.

Я чувствую, она сидит рядом.

Чувствую ее тепло, ее присутствие. Закрываю глаза. Мы с ней так и не поговорили, я и она, наедине. Говорили, но не о нас. Не о том, как сильно бьется мое сердце, когда она рядом, и уж точно не о том, что она послужила музой для фривольных грез наяву, коими кишит моя голова. После той короткой сцены в моей спальне мы обсуждали, так уж вышло, исключительно профессиональные вопросы. И я не уверен, что стоит что-то менять. Какой смысл?

Глупо было ее целовать.

Я — дурак, Назира, наверное, сошла с ума, и все, что бы ни произошло между нами, — огромная ошибка. Эта

девушка не выходит у меня из головы, эмоции путаются, а я продолжаю напоминать себе, продолжаю себя убеждать, что надо мыслить логически... вот только тело меня не слушает. Я так остро реагирую на ее присутствие, словно у меня сердечный приступ.

Или аневризма.

— Эй. — Теперь ее голос звучит серьезно. — Что случилось?

Я качаю головой.

— Не надо мне тут мотать головой, — смеется она. — Кенджи, ты искромсал весь торт! С тобой явно что-то происходит.

Я чуть разворачиваюсь. Исподлобья смотрю на нее. А она в ответ закатывает глаза.

— Я тебя умоляю, — говорит она, вонзая вилку — мою, кстати, вилку! — в растерзанный кусок торта. — Всем известно, что ты любишь поесть. Постоянно что-то жуешь. Редко прекращаешь жевать, даже чтобы слово сказать.

Я удивленно таращусь на нее и моргаю.

Назира соскребает глазурь с тарелки, поднимает вилку, словно леденец на палочке, и быстро сует ее в рот. Я жду, пока она оближет вилку, а потом замечаю:

— Эта вилка уже побывала у меня во рту.

Она задумывается. Пару секунд разглядывает торт.

— Я решила, ты не будешь больше.

— Да, больше не буду, — говорю я. — Хотя пару кусочков все же съел.

И то, как она выпрямилась, несколько оскорбленный тон, с которым она произнесла: «Ну, конечно», положив вилку, наконец-то вынудило меня чуть расслабиться. Она реагирует как малолетка, словно мы и не целовались, словно ничего между нами и не было, и мне сложно сдержаться. Меня разбирает смех.

Через секунду она тоже начинает смеяться.

И я вдруг снова ощущаю себя почти человеком.

Вздыхаю, часть напряжения спадает. Упираюсь локтями в деревянный стол и кладу голову на руки.

— Эй, — тихо говорит она. — Со мной ты можешь поделиться.

Ее голос так близко. Ласковый. Я набираю полную грудь воздуха.

— Поделиться чем?

— Тем, что не так.

Я опять смеюсь, теперь невесело. Из всех людей, с кем я хотел бы поделиться, Назира — последняя в списке. Должно быть, это какая-то злая шутка, что из всех моих знакомых лишь она делает вид, что ей не безразлично.

Со вздохом я выпрямляюсь, насупившись, смотрю куда-то вдаль.

Менее чем через секунду замечаю в другом конце комнаты Джульетту — длинные темные волосы и заводная улыбка. В настоящий момент моя лучшая подруга не видит никого, кроме своего парня, и я бешусь от этого и одновременно с этим смиряюсь. Сложно винить ее за то, что она просит хоть толику радости. Ведь я знаю, она прошла через ад.

И все же прямо сейчас мне она тоже нужна.

Ночка выдалась тяжелая, и я еще раньше хотел с ней переговорить, спросить, что она думает про Адама с Джеймсом, однако на полпути, середине комнаты, меня развернул Касл. Взял с меня обещание, что сегодня я оставлю ее в покое. Сказал, для Джей очень важно побыть с Уорнером наедине. Он хотел, чтобы они провели ночь спокойно, без потрясений, и отдохнули после того, через что прошли. Я выкатил глаза так, что они буквально из орбит выпали.

Мне вот никто и никогда не давал спокойно провести целую ночь, чтобы я типа отдохнул после всего того дерьма, через которое прошел. Никого вообще не заботит, в каком я эмоциональном состоянии. Никого, кроме — если уж честно — Джей.

Я продолжаю пялиться, взглядом прожигая у нее в спине дырку. Хочу, чтобы она на меня посмотрела. Знаю, если бы она меня увидела, то поняла бы: что-то не так, и сразу бы подошла. Подошла бы, точно. Но я не хочу портить им вечер, правда, и вовсе не потому, что пообещал Каслу. После выпавших на их долю перипетий они с Уорнером действительно заслуживают полноценного свидания. Попробуй я утащить Джей, Уорнер точно постарался бы меня убить. Без шуток.

И все-таки иногда я задумываюсь...

А как же я?

Почему мои чувства можно пустить в расход? Всем вокруг можно испытывать полный спектр эмоций, никто их за это не осудит, а мне позволительно выказывать лишь счастье, в остальных случаях людям обычно со мной некомфортно. Все привыкли видеть у меня на лице улыбку, привыкли, что я все время дурачусь. Со мной прикольно и легко. Если кто-то хочет посмеяться — я тут, к вашим услугам. Зато когда я грущу или злюсь, никто не знает, как себя вести. Я пытался разговаривать с Каслом и Уинстоном, даже с Ианом, но ни с кем не получалось так, как с Джей. Касл старается изо всех сил, однако нытья и страданий он не одобряет. Секунд тридцать он терпит, я жалуясь, а потом приходится выслушивать мотивационную речь о том, что надо быть сильным. Иан, наоборот, прям весь чешется, если я на него слишком много вываливаю, и при первой же возможности сваливает. Вот Уинстон слушает. Это он умеет делать просто отлично. Только вместо того, чтобы реа-